

Хорошая книга

Королев…

Коровин

Хорошая кни…

19

ВЕЛИКIЕ ПОДВИГИ РУССКОЙ АРМIИ

въ 1877 году.

или

ТУРЕЦКОЕ БЕЗСИЛIЕ.

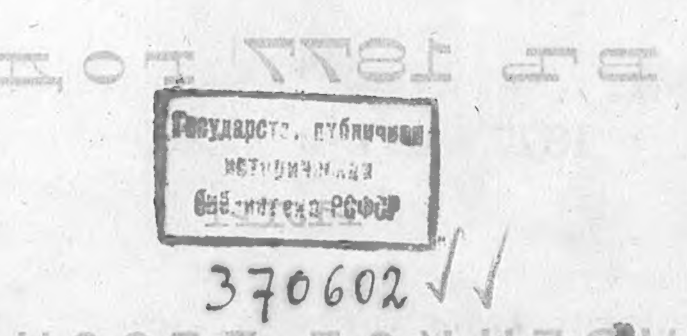
(ОЧЕРКЪ)

МОСКВА

Тип. В. Я. Барбей, Мясницкая Златоустовскiй пер. д. Воейковой.

1878.

Дозволено Цензурою Москва, 7 Января 1878 г.

I.

1877. годъ и Дунайская армія.

Счастливъ тотъ изъ русскихъ людей, кому удалось пережить 1877 годъ.

Великъ этотъ годъ для русскаго народа, но еще знаменательнѣе онъ для всего славянскаго племени и восточнаго христіанства. Въ этотъ годъ положено твердое начало положить конецъ той дикой силѣ, которая вопреки здравому смыслу, такъ долго царила въ той части міра, которая по справедливости стоитъ во главѣ развитія всего остальнаго человѣчества; въ этотъ годъ положено твердое начало дать торжество христіанству надъ магометанствомъ, правдѣ надъ ложью, свѣту надъ тьмой; въ этотъ годъ наконецъ выводятся изъ-подъ вѣковаго гнета родственныя намъ племена, которыя такъ долго склоняли свои головы и спины подъ желѣзно-мертвящей рукой Османлиса.

Вся слава въ этомъ починѣ принадлежитъ русскому народу, который какъ одинъ человѣкъ поднялся для исполненія великаго дѣла поединому слову своего великаго Царя.

Этотъ годъ, такъ уже сложились обстоятельства, высоко поставилъ имя русскаго народа, когда онъ раскрылъ всѣ свои великія качества и свою необъятную мощь.

И въ самомъ дѣлѣ спросимъ себя, за что велись всѣ прешедствующія войны въ Европѣ и почему началась нынѣшняя борьба?

Боролась Италія съ Австріей, но за что? первая хотѣла выйдти изъ-подъ гнета, который оказывала на нее послѣдняя; хотѣла соединить разрозненныя свои части въ одно цѣлое.

Вела войны Пруссія съ Австріей и Франціей. Съ одной стороны она сводила съ ними свои давнишніе вѣковые счеты, а съ другой, какъ и Италія стремилась къ объединенію.

Хотя эти войны и имѣли свои разумныя цѣли, дали не маловажные результаты, но ни одна изъ нихъ не можетъ стать въ уровень съ борьбой, поднятой теперь русскимъ народомъ.

Тамъ каждая національность вступала въ борьбу сама за себя, билась единствено съ цѣлью своей собственной выгоды и пользы, своей самостоятельности; но не то мы видимъ въ войнѣ русскаго народа съ турками

Русскому царству не нужно было никакихъ земельныхъ пріобрѣтеній отъ Турціи, ему не чего было отстаивать отъ нея свою самобытность; но имъ въ настоящую войну руководило иное, болѣе высшее чувство: оно поднялось для защиты угнетенныхъ національностей и для рѣшенія вѣковаго спора между христіанскимъ и магометанскимъ міромъ.

Это вступала въ борьбу великая, свѣтлая сила съ силой темнаго и мрачнаго царства.

Начиная войну, Россія сказала всему міру-я поднимаю мечъ не для завоеваній, а для того, чтобы заставить оказать справедливость племени, которое уже нѣсколько вѣковъ несправедливо подвергается угнетенію.

И слова великаго царства были искрены, и 1877 году посчастливилось быть годомъ, отъ котораго во всемирной исторіи народы переходятъ къ болѣе лучшей и обновленной жизни.

Начало нынѣшней войны было блистательно.

Открываясь для Россіи при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, она сразу ознаменовалась успѣхами, которые привели и приводятъ въ трепетъ нашихъ враговъ, какъ явныхъ, такъ и тайныхъ.

Начиная борьбу, Русь была лишена столь важнаго и столь могущественаго въ войнахъ съ Турціей морскаго пособія. Наши моряки дѣлали, правда, чудеса храбрости, но унасъ на чужомъ морѣ не было флота, и все безмѣрное пространство нашей береговой линіи было беззащитно въ виду противника, располагавшаго большими морскими силами.

Но что же сдѣлала ничтожная сама по себѣ горсть русскихъ моряковъ?

Своими героическими наѣздами наши моряки заставили трепетать Гобартъ-пашу, адмирала турецкаго броненоснаго флота, который по своей силѣ считался третьимъ въ Европѣ, они заставили этаго отважнаго адмирала боятся показать свою силу въ открытомъ морѣ, а своими миноносными катерами наши моряки показали всему міру, что отнынѣ значеніе флота не имѣетъ той силы, какую ему приписывали до сего времени.

Казалось, не было и возможности переправиться черезъ такую рѣку, какъ Дунай, ибо на правомъ его берегу расположилась многочисленная турецкая, армія, тамъ же грозно высились первоклассныя турецкія крѣпости, укрѣпленныя по всѣмъ правиламъ новѣйшаго инженернаго искуства, а по самой рѣкѣ гордо разъѣзжали англійской работы броненосныя суда, грозящія уничтожить смѣлаго противника лишь только онъ осмѣлиться сдѣлать попытку переправиться черезъ рѣку.

Очи всей Европы были прикованы къ этой переправѣ и всѣ спрашивали: „что де молъ, будетъ? эдвали удасться переправа, а если удасться, то будетъ стоить грамадныхъ жертвъ.

Разсуждали и глядѣли, а руская армія сдѣлала то что всѣ только хлопнули глазами отъ удивленія.

Пока турки покойно поджидали русскихъ въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ по ихъ мудрому мнѣнію должна быть совершена переправа наши передовыя войска переплыли рѣку въ другихъ мѣстахъ неожиданно, отважно, выбили ошеломленаго врага изъ его крѣпкихъ позицій навысотахъ, прогнали назадъ и начали одинъ за другимъ забирать вражіи города навели мосты и чрезъ нихъ какъ горная лавина пошли наши геройскія войска

Переходомъ черезъ Дунай говорятъ, до того былъ ошеломленъ султанъ, что со слезами на глазахъ спрашивалъ своихъ министровъ: какъ де это могло случиться, что Абдулъ Керимъ-паша, имѣя подъ рукой у себя трехъ сотъ тысячную армію, допустилъ переправиться русскимъ.

И всю бѣду, какъ и слѣдовало ожидать, свалили на бѣднаго старика Абдулъ Керима, а вина-то его, по правдѣ сказать, въ томъ только и заключалась, что не посиламъ его уму было тягаться съ русскимъ геніемъ и предугадать его намѣренья.

Не успѣли еще всѣ узнать, что уже русскія орлы за Дунаемъ, какъ наши войска овладѣли уже балканскими проходами въ горахъ, которыя заслоняли входъ въ Оттоманскую имперію и сложили ей надежной защитой противъ непріятельскаго нашествія.

Люди знающіе, до совершенія этихъ подвиговъ разсуждали, что переправа и занятіе праходовъ должны, покрайней мѣрѣ, стоитъ десятки тысячь людей, онъ не тутъ то вышло: на Дунаѣ потеря обошлась около 1000 человѣкъ, тогда какъ въ прошлыя войны доходила до десятка тысячь, а занятіе проходовъ обошлось почти безъ потерь.

II.

Слава русскому уму!

Турки совсѣмъ осовѣли. Быстрые наши успѣхи произвели страшный переполохъ между ними, и непріятельская столица, трепеща, лихорадочно засуетилась въ приготовленіяхъ къ отчаянной оборонѣ.

Нагнали же наши витязи страху и холоду въ турецкія головы.

И все это совершалось вотъ при какихъ обстоятельствахъ:

Турція, при помощи извнѣ, была приготовлена къ войнѣ до напряженія всѣхъ своихъ силъ и была въ преизбыткѣ снабжена всѣми пособіями, какихъ требуетъ нынѣшнее веденіе войны. Нашему же Главнокомандующему приходилось, какъ вѣрно замѣчаютъ Моск. Вѣд.,(*) разрѣшать свою многотрудную задачу съ арміей, которая по своей численности была достаточна для демонстраціи, но отнюдь не для серьезнаго вторженія въ государство, хотя и варварское, но громадное, располагающее давно и крѣпко организованными военными силами и многочисленными, фанатическими пріобыкшими къ оружію населеніями въ государство которое изготовилось для борьбы на смерть и имѣло могущественную поддержку извнѣ...

Но вотъ турки засѣли въ Плевнѣ. Началась геройская осада ея. Правда, съ ней повозились не мало, она стоила намъ много драгоцѣнной крови; турки пріободрились, но кончилось тѣмъ, что лучшая турецкая армія, предводимая лучшимъ турецкимъ генераломъ, была на половину истреблена, на половину забрана живьемъ.

И горшая пора настала мусульманскому царству!

Говорятъ, что подъ Плевной много задаромъ потрачено времени.

Лучше ли было бы если бы турецкій паша, загнанный нашими аттаками въ свои земляныя норы не засѣлъ въ нихъ слишкомъ надежно, а поспѣшилъ во время выйти на Софійскую дорогу, которая еще была въ его власти, а потомъ блистательнымъ обходомъ нашей гвардіи, была ему отрѣзана? Лучше ли было бы, еслибъ Османъ заранѣе догадался и вы-

---

*) № 299 ст. 2

шелъ бы чрезъ наши сообщенія, вмѣсто того, чтобы закупорить себя въ Плевнѣ?

Слава Богу что въ теченіи всей плевенской осады онъ погубилъ восьмидесяти тысячную, лучшую турецкую армію.

Значитъ время не пропало даромъ.

Вслѣдъ за паденіемъ Плевны совершается вскорѣ чудное дѣло Не прошло еще и мѣсяца, какъ генералъ Гурко во главѣ своихъ блестящихъ витязей выбиваетъ турокъ изъ горъ, спускается съ Балканъ, входитъ въ Софійскую долину и 23 декабря вступаетъ въ Софію, съ 1434 года невидавшую въ своихъ стѣнахъ христіанской рати.

Этотъ подвигъ нашихъ орловъ превышаетъ все случившееся до сей поры на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

А какъ совершился этотъ переходъ?

Наступило студеное время да такое, что морозъ дошелъ до 20 градусовъ; въ горахъ, куда взошли наши не было дорогъ, скаты ихъ обледенѣли, и вотъ на горныя кручи, среди пропастей, стали взбираться наши герои, таща на канатахъ пушки, вырубая себѣ ступени въ скалахъ, чтобы имѣть хоть какую нибудь точку опоры, спускали орудія отъ одного дедерева къ другому, привязывая ихъ къ нимъ канатами и измученные, усталые, тотчасъ вступали въ бой съ врагомъ, сбивали его и гнали все дальше и дальше.

Лишь только наши спустились въ Софійскую долину, какъ съ шипкинскаго прохода спустился другой героическій нашъ генералъ Радецкій и заставилъ положить оружіе двадцати тысячную турецкую армію.

Такимъ образомъ Балканскихъ горъ, какъ защитниковъ Турецкой имперіи, теперь болѣе не существуетъ

Войска наши уничтожили эту преграду въ такое время, съ такими неимовѣрными трудностями, что едвали смоглабы сдѣлать и вынесть другая армія въ свѣтѣ.

И не знаешь, чему тутъ больше удивляться: выносливости, терпѣнію, или храбрости и стойкости нашего солдата, или уму и распорядительности русскихъ вождей?

Ихъ подвигами открытъ путь въ Адріанополь, а тамъ?

Извѣстно, въ древнюю столицу христіанскаго міра—въ Константинополь.

„О, Боже, дай силу добраться нашимъ туда, дай нашимъ очамъ взглянуть на храмъ св Софіи и снять съ его главы позорный полумѣсяцъ и водрузить вмѣсто него святой, сіяющій Твой крестъ.

„ И пусть тогда звукъ колокола грянетъ, насталъ вамъ часъ свободные славяне идти въ мой храмъ и тамъ хвалу воздать Творцу за то, что по Его святѣйшей волѣ съ васъ спало постыдное ярмо!

Всѣ эти подвиги такъ неожиданны, такъ сказочны, что, кажется ихъ видишь воснѣ, но они совершаются на дѣлѣ, въ дѣйствительности.

И смѣшны становятся тѣ прѣждевременныя разсужденія всѣхъ досужихъ борзописцевъ, какія приходилось читать въ газетахъ, которые уже заранѣе. съ серьезной миной, утверждали, что Плевной должна закончиться якобы компанія прошлаго года и войска разойдуться по зимнимъ квартирамъ.

Анъ вышло на оборотъ и событія совершились не по ихъ велемудрымъ предположеніямъ, они шли такъ, какъ то было придумано заранѣе.

Теперь разскажемъ, что видѣлъ 1877 годъ на другомъ театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій—въ Азіи.

III.

Кавказская армія

И тутъ какъ и въ Европѣ, дѣло началось превосходно.

Наши овладѣваютъ Ардаганомъ, берутъ Баязетъ, осаждаютъ Карсъ и загоняютъ Турецкаго главноко-

мандующаго Мухтара-пашу въ горы, въ его крѣпкія позиціи. Тутъ немного онъ оправляется, подходятъ къ нему тысячами подкрѣпленія. Турки словно индѣйскіе пѣтухи, нахохливаются и распускаютъ хвосты. Баязетъ снова осажденъ ихъ кровожадными полчищами.

Незначительны силы новыхъ защитниковъ крѣпости—ихъ горсть въ сравненіи съ тѣми тучами звѣроподобныхъ массъ, которыя окружили Баязетъ. Но не въ числѣ сила, не въ силѣ и Богъ, и наша горсть героевъ начинаетъ знаменитую сѣчу съ многочисленнымъ врагомъ.

Долго бьется кучка героевъ, отчаянно отражая дикія аттаки азіатскихъ полчищъ. Выходятъ у витязей припасы, начинаютъ ѣсть конину, съѣдена она, въ пищу идетъ все. Исхудали богатыри, но о сдачѣ ни слова и готовы лечь до послѣдняго, чѣмъ отдаться свирѣпому турку. Это бились потомки тѣхъ героевъ, про которыхъ когда-то одинъ изъ великихъ полководцевъ прошлого вѣка сказалъ: „этихъ варваровъ скорѣе можно всѣхъ перебить, чѣмъ побѣдить.“

И долго длилось испытаніе этой горсти героевъ, но оно миновало; генералъ Тергукасовъ выручилъ ихъ, разбивъ на голову вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля.

Прошло еще нѣсколько времени и наши орлы встрепенулись.

Расправили они свои могучія крылья, разсѣкли мощно ими воздушныя струи и неудержимо помчались впередъ.

Пока они еще не показывали своей мочи, всѣ думали и полагали, что дѣла наши стали плохи, что побѣда всюду, будто, летитъ по пятамъ непобѣдимаго Мухтара.

Но вотъ грянулъ авліарскій громъ и раскаты его далеко перекатились по горамъ Арменіи, донеслись до синяго моря, прокатились черезъ него, и изумленная Европа, а вмѣстѣ съ ней турція услыхала, что вся азіатская армія турокъ уничтожена, неболь-

шая только часть ея успѣла убѣжать, а остальная сдалась въ плѣнъ.

Не успѣли замолкнуть еще громы авліарскія, какъ вновь было собравшаяся Турецкая армія, была вновь разбита, прогнана въ Эрзерумъ и осаждена, но всѣхъ какъ громомъ поразила еще новая новинка, которой русскіе витязи показали всѣмъ: крѣпость, которая была укрѣплена лучшими европейскими инженерами, считалась недоступнѣйшей въ свѣтѣ, была взята русскимъ, неотразимымъ штурмомъ.

И палъ непобѣдимый Карсъ къ ногамъ нашего царя, порадовали его, Батюшку, дорогія дѣтки его!

Вотъ что видѣлъ этотъ прошлый годъ въ томъ и другомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій, но не должно забывать и того, что въ этотъ же годъ дружно сомкнулись всѣ восточные христіане около своего брата великана и грознымъ боемъ пошли на общаго врага.

И передалъ старый годъ новому году въ блестящемъ видѣ свой великій починъ, и нужно надѣяться, что конецъ будетъ достоинъ начала.

IV.

Чо сдѣлали побѣды Россіи?

Подобные года какъ истекшій, мы сказали, составляютъ эпоху въ жизни народовъ и это сказали вѣрно.

До сихъ поръ духовная жизнь восточныхъ христіанъ-славянъ была подавлена, затоплена и не имѣла средствъ выбиться изъ подъ этаго невольнаго давленія.

Но съ побѣдой Россіи настаетъ новая эра жизни для всѣхъ этихъ народностей, для Европы настаетъ время новыхъ отношеній къ нимъ и оказаніе той справедливости, какую она неоказывала до сихъ эпоръ восточному словянству, чисто изъ рузскихъ и эгоистическихъ цѣлей политики, ложно понятой ея дипломатами и политиками.

Но для одного ли восточнаго славянства настаетъ пора новой жизни? Нѣтъ, она зачинается и для другихъ восточныхъ племенъ, родственныхъ намъ по духу и вѣрѣ.

Вступаютъ отъ нынѣ въ новый періодъ своего развитія и Греки и Румыны.

Да, миновалъ 1877 и не только мы но дѣти и потомки наши долго будутъ съ гордостью и съ благоговеніемъ вспоминать какъ дѣйствующихъ героевъ въ это время, такъ и тѣ начала и событія, какія положены и сдѣланы.

И какъ съ виду не кажется тягостна эта година, но мы счастливы, что переживаемъ ее и не одинъ русскій человѣкъ не поскупится принесть еще и большія жертвы для великаго и славнаго дѣла.

Чѣмъ дороже, чѣмъ больше жертвы, тѣмъ славнѣе для современника, тѣмъ почетнѣе будетъ произноситься его имя въ средѣ отдаленнаго потомства.

V·

Русскій солдатъ какъ человѣкъ.

До сихъ поръ я говорилъ о той отвагѣ, несокрушимости и твердости, какія пришлось выказать русскому человѣку на полѣ сѣчь, которыя навсегда увѣковѣчили славу русскаго солдата и его вождей; теперь посмотримъ его и съ другой, человѣчной стороны, выказанной имъ и во время кровопролитнаго боя и послѣ него.

Ни разу, конечно въ массахъ, наша армія не дозволяла себѣ дѣлать то въ завоеваной странѣ, что по праву дѣлаютъ другія арміи. Никто отъ руки ея не пострадалъ, ни одного волоса, ни нитки не было тронуто изъ чужаго имущетсва, а состраданіе ея доходило до послѣдней возможности.

Наши солдаты въ своихъ еще лѣтнихъ походахъ обходили засѣянныя поля; солдаты, движимые чувствомъ человѣколюбія, дѣлились послѣднимъ суха-

ремъ съ голоднымъ и ограбленнымъ армяниномъ или болгариномъ; дерясь, какъ левъ. съ врагомъ, онъ протягивалъ руку помощи раненому и доводилъ его до перевязочныхъ пунктовъ, стараясь подкрѣпить его силы, чѣмъ могъ и забывая, что еще за минуту онъ грозилъ ему штыкомъ или пулей.

Примѣровъ этихъ высокихъ примѣровъ, великаго чувства, множество и изъ числа ихъ я приведу хоть одинъ

Въ одномъ изъ госпиталей, кажется, въ Свищовѣ лежали два раненыхъ. Одинъ русскій, другой турокъ. Послѣдній тяжело раненъ, не могъ ѣсть самъ. Русскій видитъ это, беретъ свою порцію и начинаетъ уговаривать его поѣсть, увѣряя, что отъ этаго легче онъ почувствуетъ себя. Но турокъ отварачивается, такъ какъ видитъ передъ собой того, кто поранилъ его. Солдатикъ знаетъ что и какъ бы желая примириться съ нимъ, начинаетъ урезонивать, ето теперь, когда они лежатъ вмѣстѣ, безсильные они уже больше не враги, на то и война, разсуждалъ солдатъ, чтобы драться, кончилась, ну и міръ.

Сцена, пожалуй и комичная, но великая по своему высокому значенію.

И нужно замѣтить, что высокое человѣколюбіе и уваженіе къ чужому имуществу оказывалось среди варварскаго, свирѣпаго и фанатизированнаго народа и его арміи, которая никому не давала пощады, мучила, убивала раненыхъ, обсѣкала имъ члены, уродовала трупы, обирая ихъ до нога.

Вспомнимъ хоть одну Плевну.

Въ теченіи мѣсяцевъ, въ туманѣ и въ ночной темнотѣ, наши богатыри сражались подъ Плевной. Въ этихъ ужасныхъ бояхъ не одинъ храбрый воинъ попалъ въ руки непріятеля, и никто изъ этихъ несчастныхъ не спасся отъ кровавой и безпощаднойруки турка. Когда наши вступили въ Плевну, тамъ не было найдено ни одного плѣннаго,—турки считали совершенно излишнею такую тягость; а между тѣмъ

болѣе сотни тысячь теперь живутъ на русскомъ хлѣбѣ.

Подъ Плевной, послѣ взятіе ея, скаты Кришинской позиціи были покрыты голыми скелетами нашихъ, по словамъ очевидцевъ, и наши солдаты, проходя среди этаго ужаснаго поля смерти только крестились, прощая въ душѣ ужаснаго врага.

Съ какой стороны мы бы взглянули на русскаго солдата, онъ всегда является или отважнымъ, неудержимымъ никакой преградой, выходящимъ побѣдителемъ и надъ природными преградами и надъ упорствомъ врага, находился ли онъ подъ знойно-палящими лучами азіатскаго солнца, среди безводной степи, или же переходитъ горные хребты въ студеное зимнее время онъ вездѣ равно свыкается съ климатическими условіями, терпѣливо одолѣваетъ ихъ невзгоды и всегда является бодрымъ, веселымъ, довольнымъ, не тужа о томъ есть ли у него въ достаткѣ горячая пища или въ запасѣ вода, когда кругомъ нѣтъ ни капли ея.

Лишь былъ бы русскій сухарь да капля воды и русскій солдатъ обойдетъ хоть весь свѣтъ и такія выносливыя свойства оказываются не въ отдѣльныхъ только личностяхъ, какъ среди другихъ народовъ, но въ цѣлыхъ массахъ.

Взглянемъ на него послѣ битвы, и увидимъ, что онъ любовно дѣлиться своимъ сухаремъ съ только что бывшимъ врагомъ, готовымъ его убить.

Нѣтъ, не укаждой арміи другихъ народовъ найдутся подобныя качества. Но добрый въ мирѣ, онъ ужасенъ для врага въ бою.

Наши солдаты, оказали удивительныя чудеса храбрости въ своихъ аттакахъ.

Словно на ученьи, они сомкнутымъ строемъ выжидали на себя массы враговъ, не обращая вниманія на градъ пуль и снарядовъ, которые грохотали среди ихъ рядовъ, подпускали врага близко и дружными, невѣроятно выдержанными залпами, обращали ихъ въ безпорядочное бѣгство. Бросаясь на прис-

тупъ, нашъ солдатъ стойко выдерживалъ огонь и потомъ въ стройныхъ рядахъ, съ штыкомъ на перевѣсъ, онъ налеталъ на противника.

И никогда этотъ противникъ не выдерживалъ удара этаго русскаго штыка, дрожалъ и бѣжалъ передъ нимъ, а часто и вовсе не дожидался этаго страшнаго нападенія.

Наши вожди отлично разпознаютъ и узнали эти боевыя качества русскаго человѣка, и геній ихъ, направляя массы къ извѣстной цѣли, дѣлаетъ наши арміи непобѣдимыми.

Но и еще естъ особенная черта. Готовясь къ битвѣ, онъ становится серьезенъ, сосредоточенъ, чувствуя, что готовится испытать кровавую чашу и, можетъ быть, въ послѣдній разъ глядитъ на ясное небо. Зачинается она Свистнули пули и русскій солдатъ, набожно дѣлаетъ крестное знаменіе на груди своей, призывая Бога въ помощь.—

Вотъ все, что сдѣлали наши въ минувшемъ году и вотъ почему, повторяю онъ надолго будетъ жить въ народной памяти, какъ славный воспоминаніями о великихъ подвигахъ нашей арміи, ихъ вождей, такъ и той причиной, въ слѣдствіе которой они произошли.—

Но прошлый годъ, видя все это съ нашей стороны, не то увидалъ съ турецкой.

Начиная съ самаго начала борьбы, турки показывали или дикое звѣрство или полное отчаяніе смотря по тому въ чью сторону дулъ благопріятный вѣтеръ и прибѣгали къ различнымъ ухищреніямъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Пораженіе Мухтара въ Азіи, опасенія за Плевну й другія неудачи до того ихъ обезкуражали, что куда и дѣвалась ихъ хвостливости; они осѣли и повѣсили носы. Первоначальная увѣренность въ торжествѣ смѣнилось полнымъ отчаяніемъ.

Когда они наступали и были увѣрены въ успѣхѣ, то они такъ опьянѣли отъ обуявшаго ихъ торжества, что сразу перемѣнили свои отношенія къ хрис-

тіанамъ и съ презрѣніемъ относились къ совѣтамъ европейскихъ пословъ. Но лишь только грозно раздались побѣдоносные громы русскихъ, какъ они совсѣмъ растерялись и приходятъ въ ужасъ отъ одной мысли, что изъ ихъ рукъ ускользаетъ теперь владычество надъ христіанами, а тамъ, далѣе видятъ они не минуемую опасность, что невсегда попадутъ подъ опеку Европы и что пришелъ конецъ ихъ безобразной волѣ и гнету.

КОНЕЦЪ.

